

Задания для обучающихся***Уважаемый участник олимпиады!***

Вам предстоит выполнить задания олимпиады. Время выполнения заданий – **200 минут**.

Выполнение письменных заданий целесообразно организовать следующим образом:

- не спеша, внимательно прочитайте задание;
- обдумайте и сформулируйте ваш ответ;
- не забывайте, что единственно верного ответа нет – важнее, чтобы ответ соответствовал заданию, опирался на анализ художественного текста, знание литературного материала и терминологии, а ваша точка зрения была убедительной и аргументированной;
- после выполнения всех предложенных заданий обязательно проверьте себя.

Максимальная оценка – 100 баллов.

Участники школьного этапа олимпиады по литературе выполняют два типа заданий: **аналитическое** (целостный анализ текста) и **творческое**.

Аналитическое задание

Выполните целостный анализ предложенного произведения, взяв один из предложенных текстов (прозаический **ИЛИ** поэтический). Вы можете опираться на данные после него вопросы или выбрать собственный путь анализа.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст. Выбор типа текста – Ваше право. Анализируя текст, Вам необходимо показать степень сформированности аналитических, филологических навыков. Вы сами определяете методы и приемы анализа, структуру и последовательность изложения своих мыслей.

Максимальный балл за аналитическое задание – **70 баллов**.

**Евгений Гришковец
Начальник**

Знаете такое выражение: «оказать честь» или вот ещё — «оказать доверие»? Что ещё можно оказать? Можно ещё оказать услугу, внимание, заботу, помощь, содействие, сочувствие... То есть со словом «оказать» всегда связано что-то хорошее, важное и благородное. Но доверие, на мой взгляд, самое серьёзное и прекрасное, что может оказать один человек другому. И я помню, как в первый раз в жизни, мне было оказано доверие.

В школе я никак не мог найти себе занятия. Точнее, не в самой школе, а в школьном возрасте. А занятие очень хотелось найти. Часто бывало скучно, а энергии было много. Были такие дни, когда интересной книжки нет, кино интересного ни одного в кинотеатрах не шло. В общем, я искал, искал занятие, и в итоге к четырнадцати годам его нашёл. Точнее, занятие нашло меня.

Родители подарили мне на тринадцатилетие фотоаппарат. Это был серьёзный и взрослый подарок. Но фотоаппарат тогда и процесс фотографирования тогда были далеко не тем же самым, чем они являются теперь. Это теперь фотоаппараты делают всё сами, и процесс изготовления фотографий не составляет никакого труда. А тогда купить фотоаппарат — это было полдела, даже четверть дела. Нужно было к нему купить фотоувеличитель, а ещё фотофонарь, ванночки для проявителя, закрепителя и промывания фотографий, фотоэкспанометр, фотобачок... И ещё нужно было уметь всем этим пользоваться.

— Мы тебе уже год назад подарили отличный фотоаппарат, и где фотографии? — спросил как-то в раздражении отец, когда я, очевидно, маялся от скуки и безделья.

После такого жёсткого замечания нужно было заняться изучением фото процесса. И я пошёл и записался в фотокружок при станции юных техников. Помещение фотокружка

находилось в конце коридора, и дверь в него всегда была закрыта. Я подошёл к этой двери, постучал, подождал, но безрезультатно. Тогда я постучал сильнее. Дверь приоткрылась.

— Я хотел записаться... — начал было я.

— Заскакивай давай! — услышал я приказ и юркнул в приоткрытую дверь.

— Ну? — услышал я краткий вопрос.

— Я хотел записаться... — снова начал я.

— Записаться? — переспросил мой собеседник. — Ну, тогда тебе надо подождать.

Посиди. Начальник придёт, поговори с ним. Он тебя и запишет. Или не запишет. Садись.

Минут через десять в дверь вошла шумная компания мальчишек, все младше меня. Возвышался над ними мужчина лет тридцати пяти, сутулый, худой, в куртке, кроличьей шапке и с очень острым лицом.

— Вот он пришёл, — сказал мне самый старший из всех парней, который меня впускал и был здесь за старшего. — Давай, иди, разговаривай.

— Извините, я хотел записаться к вам в фотокружок, — сказал я робко, но отчётливо.

— Так записаться ко мне или в фотокружок? — услышал я вопрос. — Это важно, сформулируй точнее.

Я не смог сформулировать и молчал. А человек смотрел на меня и улыбался. У него было очень необычное лицо. Тонкие, довольно длинные волосы соломенного цвета в беспорядке обрамляли лицо, закрывая уши. Светлые глаза улыбались, чёткий выразительный рот улыбался, лицо его, очевидно подвижное, было худым и вытянутым, с острым, гладко выбритым подбородком.

— Ладно, ладно, не обижайся, я шучу. Но на какие-то вопросы ответить придётся. Ты уже взрослый юноша, лет пятнадцать уже есть?

— Четырнадцать, — ответил я, польщённый и моментально оттаявший.

— Серьёзный возраст, — без иронии сказал он. — Зовут?

— Евгений.

— Запомню. А меня Владимир Лаврентьевич. Если будем общаться дальше, сокращай до Владимир Лаврентич, а то вообще не выговоришь. Фотографировать умеешь?

— Нет, не умею, — быстро ответил я.

— А что ты сам хочешь фотографировать?

— Не знаю. Сначала хочу просто научиться.

— Научиться что? На кнопку нажимать?

— Да. И на кнопку нажимать, и чтобы в итоге получилась фотография.

Он тут же наклонился ко мне ближе.

— Молодец! В итоге фотография, говоришь? Только вот, что будет на этой фотографии? Вот вопрос. От твоего ответа зависит, будем мы общаться, или я научу тебя родителей фотографировать, или мы попрощаемся прямо сейчас раз и навсегда, — он сделал паузу. — Читаешь много?

Я не ожидал такого вопроса. И хоть мой четырнадцатилетний возраст кричал мне, что я не обязан отвечать и вообще подвергаться допросу, но человек, сидящий напротив меня этот крик заглушал.

— Читаю! — ответил я, поразмыслив. — Немного.

— А кого любишь читать, каких писателей? Только не из школьной программы, я не экзаменатор.

— Люблю... — снова задумался я, — Джека Лондона, Эдгара По, Стивенсона люблю.

— Тогда давай сделаем вот что, — азартно сказал Владимир Лаврентьевич, вставая. — Посмотри на эти фотографии и выбери три, которые тебе больше всего понравились. А я чай поставлю.

Он вышел из комнаты, а я стал рассматривать фотографии. Там были разные фотографии, но все чёрно-белые. Я выбрал три фотографии, которые мне понравились. Помню, это был портрет худого старика, который читал газету, а ещё я выбрал фотографию ночного города Кемерово, снятую с высокой точки. Огни фар автомобилей вытянулись в длинные линии. Мне не понятно было, как так получилось, и это мне понравилось. Третья фотография мне понравилась больше всех. На фотографии был луг и лежащий на лугу туман. Из тумана возвышалось дерево. Это явно было августовское холодное утро.

— Ну что, выбрал? — сказал он, вернувшись.

Он рассмотрел мой выбор внимательно.

— А вот эту ты почему выбрал?

Он показал ночной пейзаж с вытянутыми линиями фар.

— Красиво, — ответил я.

— Технично, ты хотел сказать, наверное? А эту? — он показал туман.

— А эта мне нравится, — тут я запнулся. — Это август. Утро. Я такое видел.

— Молодец! Пошли чай пить.

И я стал ходить в фотокружок. Через несколько месяцев это стало для меня настолько важным и всепоглощающим занятием, что оно вступило в конкуренцию со школой, и школа, где мои успехи и без того, особенно по мнению родителей, были неблестящими, стала проигрывать. Родители пытались ограничить моё рвение, но с этим было трудно справиться. Я впервые узнал, что такое творчество, а главное, я узнал серьёзное и взрослое отношение к себе в творческом процессе.

Совсем недолго я ходил в общую группу ребят, которые пришли, как и я, случайно. Позже я попал в небольшой творческий коллектив или, я бы сказал, в особый клуб. Это были люди (ребята), которые уже занимались индивидуальным творчеством. Таких людей Владимир Лаврентьевич называл «дядя». Стать «дядей» была заветная мечта многих, но это было как переход в некое гиперпространство. Пространство взрослого, казалось бы, бесконтрольного, но очень ответственного доверия со стороны Владимира Лаврентьевича. И только те, кого он называл «дядя», могли между собой называть его «начальник».

Когда я ходил в общую группу, мне ужасно хотелось остаться по окончании занятий в фотокружке и пить чай, слушать разговоры. Но два с лишним месяца Владимир Лаврентьевич говорил мне «юноша» и прощался со мной, как и с остальными «юношами» до следующего занятия. Я ждал.

— А в пятницу вечером ты сильно занят? — однажды после занятия неожиданно, прямо на пороге, спросил меня Владимир Лаврентьевич.

— В пятницу? — я от неожиданности ответил не сразу. — Вечером я не занят. А что?

— А то! Пойдём вместе смотреть хорошее кино. Пойдёшь?

— Кино! А что мне сказать родителям? — растерялся я. — Мне же нужно у них разрешение просить и денег...

— Как что сказать?! — искренне удивился Владимир Лаврентьевич. — Сказать, что ты вместе с руководителем кружка кино- и фотомастерства и ещё несколькими кружковцами идёшь смотреть хорошее кино. Денег не надо. Показ бесплатный. Один раз в неделю, в кинотеатре «Время» работает киноклуб! Там показывают хорошие фильмы.

Я полностью растерялся, молчал и краснел.

— Ну, ладно, — сказал через паузу Владимир Лаврентьевич, — спроси у родителей разрешения. Отпустят — пойдёшь, нет — значит нет.

— А какое кино будет? — робко спросил я.

— Хорошее! — почти закричал Владимир Лаврентьевич и засмеялся.

Нас пошло в кино шесть человек плюс Владимир Лаврентьевич. Мы шли, было холодно. Владимир Лаврентьевич жестом предложил мне немного приотстать.

— Понимаешь, — спокойно и серьёзно сказал он, — я не знаю, понравится ли тебе то кино, которое мы будем смотреть. Я даже не знаю, понравится ли оно мне. Это картина одного известного испанского режиссера, не припомню, как его зовут. Но не это главное. Если будет скучно, попробуй справиться со скукой, досмотри до конца. Если будет не нравиться, сразу не отказывайся, потрудись, попробуй понять, зачем люди тратили плёнку, снимали это кино. Если будет что-то непонятно, спрашивай. Договорились?

— Договорились! — сказал я.

Фильм был черно-белый и с субтитрами. Я впервые смотрел фильм с субтитрами и очень устал их читать. К тому же я просто не успевал прочитывать добрую треть.

Так я перешёл в заветный клуб.

— Ну, как успехи, дядя? Чего наснимал? — спросил меня на следующей неделе после посещения киноклуба Владимир Лаврентьевич.

Тут надо сказать, что выдающихся успехов я, как фотограф, не добился. Я сам понимал, что у меня ничего не получается, и видел огорчённое лицо Начальника. Но теперь я этому рад. Потому что Начальник потратил на меня гораздо больше времени, чем на тех, кто свет чувствовал, всё видел и у кого к фотографии был талант.

— Вот скажи мне, зачем ты фотографировал эти качели? — спрашивал он меня, рассматривая мои снимки. — В твоей фотографии должно чувствоваться, что ты этим хотел сказать, какие переживания передать. Все ходят по одному и тому же городу, полю или лесу. Все! И никто ничего не видит. А ты должен увидеть, как солнце отразилось в стекле троллейбуса, как заблестели капельки росы на паутине в траве. Но ты должен не это всё сфотографировать, а сделать фотографию. Запомни, ты не жизнь фотографируешь. Ты делаешь фотографию. А главное, и самое обидное, что на чужих фотографиях ты всё видишь, вкус-то у тебя есть. А сам? Сам?!

Как фотограф я не состоялся совсем. Зато у меня появилось моё особое место и особая роль в жизни фотокружка. Я стал там на какое-то время признанным экспертом и критиком. Многие мои приятели по кружку показывали свои фотографии мне, прежде чем показывать их Начальнику. Да и сам Начальник часто со мной советовался, спрашивал моё мнение о том или ином снимке. Иногда мы спорили, и сильно.

Мы каждую неделю ходили в киноклуб. Там я увидел довольно много хороших фильмов. Какие-то мне категорически были непонятны, а Владимир Лаврентьевич был от них в восторге. Какие-то нравились мне, а ему не нравились вовсе.

— Ну, дядя, и что ты там нашёл? Вот ты объясни мне, — горячился он, — что ты нашёл в этом фильме. Давай!

И я пытался объяснить. Я впервые старался найти точные слова, которых от меня искренне ждал взрослый и авторитетный (для меня) человек. Я чувствовал, как это сложно, как я устаю от этих разговоров, но я любил наши споры. И очень гордился, когда удавалось что-то смутное выразить словами. А Начальник слушал. Меня в первый раз так слушали.

Я активно и много провёл времени в кружке, так и не сняв ни одной стоящей фотографии. Последний год школы потребовал от меня большего времени заниматься учёбой, чтением и подготовкой к экзаменам. Я всё реже и реже заходил к Начальнику в фотокружок. Потом я закончил школу, поступил в университет... И пошло, поехало! Но мы до сих пор поддерживаем тоненькую нить контакта с Начальником. Я уехал давно. Я занимался то тем, то другим. А Начальник всё там же. Всё занимается юношами. Всё в том же фотокружке.

Почти все люди в городе Кемерово, которые сейчас работают фотографами в газетах или операторами на телевидении, прошли через наш фотокружок. Все знают Начальника. Но и те, кто не связал свою жизнь с камерой и объективом, но был «дядей», все прилично или неплохо разбираются в фотографии. И первое достижение, какое у нас было в жизни, — это

то, что один азартный, весёлый, умный, взрослый человек называл нас «дядя». Он оказал нам доверие! Он доверил нам время своей жизни, своей надежды, свою профессию, свои представления о том, как и что...

Если можно говорить об учителях... Если бы у меня спросили: «Был ли у вас учитель?» Я бы сказал: «Был».

Евгений Валерьевич Гришковец — писатель, драматург и сценарист, режиссер и актер театра и кино. Родился 17 февраля 1967 года в Кемерово. Он не только успешный писатель и режиссер, о чем свидетельствует полученная им театральная премия «Золотая маска» и включение его романа «Рубашка» в лонг-лист престижнейшей Букеровской премии, но и почетный гражданин сразу двух российских городов — Калининграда и Кемерово.

Опорные вопросы к тексту

1. Каковы тема и идеи произведения? Какую роль играет название рассказа в их раскрытии?
2. Какое нравственное понятие автор считает ключевым в общении учителя и ученика?
3. Какими средствами создается исповедальный характер рассказа четырнадцатилетнего подростка?
4. Какую форму повествования избрал автор? Как она помогает в достижении основной идеи рассказа?
5. Какой смысл, по вашему мнению, вкладывает автор-рассказчик в ответ на вопрос «Был ли у вас учитель?» — «Был».

Арсений Тарковский

Перед листопадом

Все разошлись. На прощанье осталась
Оторопь жёлтой листвы за окном,
Вот и осталась мне самая малость
Шороха осени в доме моём.
Выпало лето холодной иголкой
Из онемелой руки тишины
И запропало в потёмках за полкой,
За штукатуркой мышинной стены.
Если считаться начнём, я не вправе
Даже на этот пожар за окном.
Верно, ещё рассыпается гравий
Под осторожным её каблуком.
Там, в законном тревожном покое,
Вне моего бытия и жилья,
В жёлтом, и синем, и красном — на что ей
Память моя? Что ей память моя?

Арсений Александрович Тарковский (25 июня 1907 - 27 мая 1989 года) – русский поэт. Долгое время Арсений Тарковский был известен только как переводчик с восточных и европейских языков. Прославился поэт, когда ему было уже больше 50 лет. Он дружил с Анной Ахматовой, переписывался с Мариной Цветаевой, его называли «последним поэтом»

Серебряного века». Стихотворения Тарковского прозвучали в фильмах его сына — режиссера Андрея Тарковского: «Зеркало», «Сталкер», «Ностальгия».

Опорные вопросы к тексту

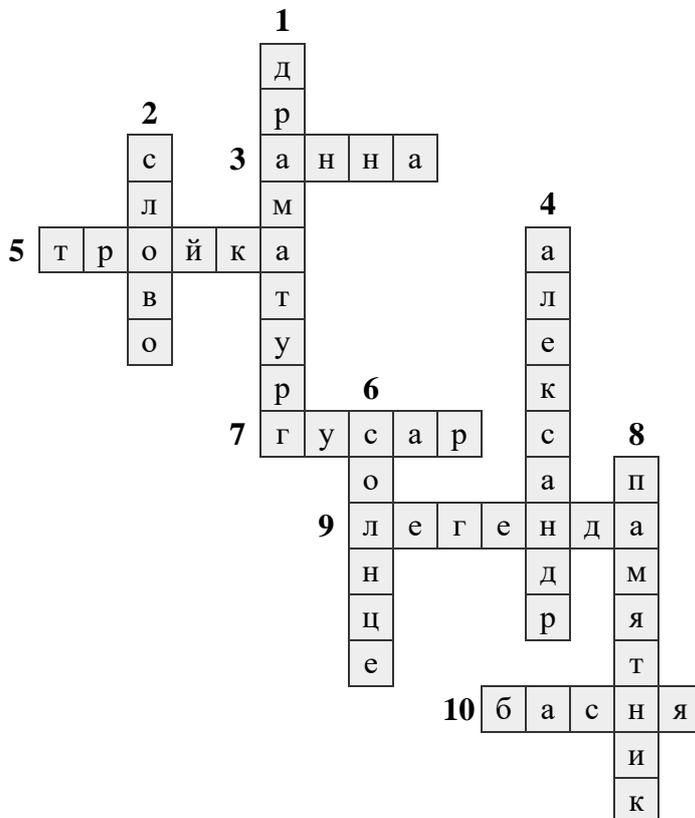
1. Определите тему и идею стихотворения.
2. Каким вы себе представляете лирического героя стихотворения?
3. Охарактеризуйте композиционную структуру произведения.
4. Почему поэт назвал стихотворение «Перед листопадом»? Чем особенно это время?
5. В каком значении употреблено поэтом слово «оторопь»?
6. Как связаны в стихотворении понятия «прощание» и «память»?
7. Поделитесь впечатлениями от прочитанного, дайте свою оценку стихотворению.

Творческое задание

Вероятно, каждому хоть раз в жизни приходилось разгадывать кроссворд. А как насчет «антикроссворда»? Перед вами именно он. Даны 10 готовых слов-ответов кроссворда. А вы придумайте определения к словам, привлекая изученные биографии писателей, прочитанные литературные произведения, знания по истории и теории литературы.

Помните, что ваш вариант определения должен быть как можно более интересным, креативным и, конечно же, связанным с литературой. Все у вас получится!

Максимальное количество баллов – **30 баллов**.

Например, *КАПОТ*.

Капот – наименование старой шинели Башмачкина / домашнее женское платье XIX века